

В вагоне воцарилась напряжённая тишина, неловкая и странная. Врач помолчал, затем сухо добавил:

— Похоже... он добрый...

Спасибо, это нисколько не утешило.

Цзян Юю стало ещё страшнее.

Все снова погрузились в зловещее молчание.

Цзян Юй глубоко вдохнул, пытаясь вспомнить, где же лежал тот мармеладный мишка, когда он заходил в дом к боссу.

Чёрт, впопыхах совсем не заметил.

...

В больнице, после того как Сы Ханьцзюэ сделали успокоительное, его состояние наконец стабилизировалось.

Цзян Юй вздохнул с облегчением, но далеко уходить не решился, поэтому прилёг на койку для сопровождающих и притворился спящим.

Ночью, в тишине, мармеладный мишка пошевелился. Из кармана показались два маленьких острых ушка.

Затем — круглые глазки. Тан Сяотан осмотрелся в палате и, убедившись, что Цзян Юй крепко спит, тихонько выбрался наружу и побежал к больничной койке Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ лежал неподвижно. Его строгие черты лица казались бледными, в тусклом свете на них лежала печать усталости и слабости. На прекрасной руке, испещрённой венами, торчал неприятный глазу капельницы, от которого тянулась длинная пластиковая трубка. Лекарство капало, издавая лёгкий, размерный звук.

Тан Сяотан, сердце которого сжалось от жалости, нежно поцеловал тыльную сторону руки хозяина, где проступали вены, затем осторожно обнял пластиковую трубку, пытаясь своим теплом согреть холодное лекарство.

Из тела мармеладного мишки медленно распространился сладкий аромат, который перебил резкий запах дезинфекции.

Так, даже в больнице, хозяин сможет хорошо выспаться.

Всё, что конфетка может сделать для хозяина, только это.

Тан Сяотан решил, что когда хозяин проснётся, он уйдёт.

Конфетка не хотела, чтобы хозяин боялся его, как Цзян Юй.

Тан Сяотан, приняв это решение, прижался к холодной пластиковой трубке и тихонько, горько заплакал.

Дремавший Цзян Юй вздрогнул и мгновенно проснулся.

Что это за дьявольский звук он только что услышал?

Цзян Юй, словно испуганный кролик, вцепился зубами в одеяло, открыл глаза и, дрожа, уставился в темноту палаты.

К счастью, пришла медсестра, чтобы сменить лекарство у Сы Ханьцзюэ.

Плачущий мармеладный мишка, обнимавший трубку, испугался и быстро нырнул под одеяло к Сы Ханьцзюэ, затаившись у него на груди.

Тепло тела хозяина согрело пространство под одеялом. Тан Сяотан с удовольствием поводил ушками и стал прислушиваться к звукам снаружи.

Раз кто-то пришёл, Цзян Юй набрался смелости и высунул голову из-под одеяла. Увидев, что лекарство закончилось, он поспешно поинтересовался состоянием Сы Ханьцзюэ.

Медсестра померила температуру.

— Жара нет, должно быть, стабилизировался. Будем наблюдать дальше.

— В таких случаях мы рекомендуем чаще проводить сеансы психотерапии, — мягко улыбнулась медсестра. — Показывайте пациенту больше милых вещей, давайте нюхать сладкие запахи — это всё может незаметно облегчить состояние. В конце концов, сладость делает людей счастливее.

Цзян Юй что-то смутно понял и, растерянно моргая, спросил:

— А вы... не слышали, чтобы кто-то плакал...

Медсестра оскалилась в улыбке.

— Многие тут плачут, не бойтесь.

Сказав это, она пожелала им хорошего отдыха и ушла.

Цзян Юю стало ещё страшнее.

Он огляделся. Это была отдельная палата, кроме него и его босса, никого не было.

Страшно!

Просто страшно!

Цзян Юй боковым зрением заметил, что одеяло у Сы Ханьцзюэ сползло.

Ему захотелось выколоть себе глаза.

Но, движимый чувством ответственности, моралью, а также обожанием и преданностью к старшему товарищу Сы, он, набравшись храбрости и внутренне подготовившись, на цыпочках подошёл, чтобы поправить одеяло.

Только он приподнял одеяло, как увидел розовую конфетку, лежащую на груди его босса.

...

Услышав от медсестры, что с хозяином всё в порядке, Тан Сяотан наконец облегчённо вздохнул. Он прижался щекой к груди Сы Ханьцзюэ, чувствуя тепло его тела и сильное, ровное сердцебиение.

Тело хозяина такое тёплое, его холодный, чистый аромат так приятно пахнет.

Это его хозяин.

Это хозяин, которого конфетка любит больше всего.

Тан Сяотан твёрдо решил: если хозяин обнаружит, что он живой, он сбежит.

Поэтому каждую минуту, каждую секунду, проведённую с хозяином, он должен особенно ценить.

Он должен запомнить запах хозяина.

Погружённый в мысли о разлуке и печали, Тан Сяотан допустил оплошность — он не заметил приближающихся из-за одеяла зловещих шагов.

Внезапно тёплый воздух сменился прохладным, одеяло приподняли.

Тан Сяотан поднял голову, уставился на перепуганного Цзян Юя и в мгновение ока окаменел всей своей конфетной сущностью.

— А-а-а-а-а-а! — Одновременно раздался оглушительный вопль Тан Сяотана и Цзян Юя.

Цзян Юй отпрыгнул на два шага назад, прижавшись к двери, и настороженно уставился на розового мармеладного мишку.

Тан Сяотан спрятался под Сы Ханьцзюэ, выставив наружу только круглые глазки, и осторожно наблюдал за Цзян Юем.

— Ты... ты не бойся, — маленькие ушки Тан Сяотана печально обвисли, в глазах заблестели обиженные слёзы, и он тоненьким голоском произнёс, — я... я просто мармеладный мишка, очень сладкий... Я людей не обижаю...

Цзян Юй чуть не поскользнулся.

— Какого чёрта-чёрта-чёрта, почему ты разговариваешь, какого чёрта-чёрта-чёрта!

Тан Сяотан замахал лапками.

— Не кричи, а то другие люди прибегут!

Цзян Юй крикнул:

— Помогите! Босс! Просыпайтесь скорее!

Тан Сяотан, подняв обе лапки, зажмурился, оскалился и принял свирепый, но по-детски безобидный вид.

— Будешь кричать — я тебя съем!

Цзян Юй: Ик.

Он крепко зажмурился, прижавшись лицом к дверному косяку, и от страха потерял дар речи.

Тан Сяотан с недоумением открыл один глаз.

А?

Он что, такой страшный? Запугивание так хорошо действует?

Мармеладный мишка нервно взглянул на спящего Сы Ханьцзюэ — хорошо, что не разбудил хозяина.

Затем он подбежал к краю кровати, спрыгнул вниз, надул щёки, упёрся лапками в бока и с грозным видом подошёл к сидящему на полу и слегка ошалевшему от страха Цзян Юю.

— Не бойся, понял?

Цзян Юй хныкнул и медленно скрестил руки, плотно прикрыв ими грудь.

Не двигаться, ни в коем случае не двигаться.

Тан Сяотан:

— Я просто мармеладный мишка, — Тан Сяотан почесал свою большую голову и заторопился.

— Я и сам не знаю, почему ожил.

— Но ты не бойся, я людям не вредю, я... я очень люблю хозяина, — Тан Сяотану стало немного стыдно, впервые выражая свои чувства перед другим, вся конфетка покраснела от смущения, и он понизил голос. — Не бойся, правда, я не причиню тебе зла.

Мармеладный мишка, задрал голову, уставился на съёжившегося от страха Цзян Юя, подумал, подумал ещё, затем повертел своим пухленьким тельцем, вытащил из-за спины маленькую розовую мармеладку и высоко поднял её.

— На, угощаюсь конфеткой, только не бойся больше.

Тан Сяотан терпеливо добавил:

— Очень сладкая.

Цзян Юй открыл один глаз, закатил зрачок к уголку и, собрав всю храбрость, взглянул вниз.

Мармеладный мишка розового цвета, в белых трусиках, двумя лапками высоко протягивал ему красную конфетку, похожую на него по цвету. На его круглой, большой голове были круглые глазки и ротик в виде дуги. Самые простые линии, как в мультфильме, но на них читались напряжённое ожидание и оживлённость.

Мармеладный мишка, заискивая, протягивал конфету вперёд, вставая на цыпочки, но даже так он не доставал до обуви Цзян Юя.

Выглядел он не так уж и страшно.

— Кушай! Съешь мою конфетку, и с этого момента я тебя беру под свою защиту! — Тан Сяотан

поводил ушками.

Со слезами на глазах Цзян Юй осторожно вытянул два пальца, взял маленькую розовую мармеладку и переводил взгляд с Тан Сяотана на конфетку в руке и обратно.

Тан Сяотан моргнул. Ожидание.

Цзян Юй зажмурился, собрался с духом и швырнул красную конфетку в рот.

Как сладко.

Конфетка растаяла на кончике языка, сладость превратилась в воду, разлилась между губами и зубами, дошла до самого сердца, до души.

Цзян Юй внезапно вспомнил слова медсестры: сладость делает людей счастливее.

Вкус сладкого, кажется, изначально связан со счастьем.

Получив сладость, тело автоматически включает переключатель радости, отфильтровывая все негативные эмоции.

Раз съел конфетку — нельзя не радоваться.

Дрожащая душа Цзян Юя постепенно успокоилась, на лице медленно вернулся румянец.

После страха нахлынуло проклятое любопытство.

Цзян Юй глубоко вздохнул, изо всех сил пытаясь контролировать онемевшую руку, и протянул к мармеладному мишке указательный палец.

<http://bllate.org/book/15589/1395431>